

Когнитивно-лингвистические механизмы смыслопорождения в манипулятивном медиадискурсе

Вера И. Заботкина

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zabotkina@rggu.ru*

Елена М. Позднякова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, helenpozdnakova@yandex.ru*

Аннотация. Цель статьи – описать когнитивно-лингвистические механизмы смыслопорождения, лежащие в основе манипулятивного влияния медиадискурса, и показать, как концептуальные проекции между доменами ПРАВДА и ЛОЖЬ порождают зоны бленда, обеспечивающие скрытое воздействие на адресата. Методологическую основу исследования составляют теория ментальных пространств и концептуальной интеграции, фреймовая семантика и теория культурных схем. Проведен анализ англоязычного медиадискурса с опорой на эмотивно маркированные лексические и фразеологические средства. Показано, что формирование «серой зоны» между концептами TRUTH – LIE (alternative truth, post-truth, counter-truth, counter-knowledge и др.) приводит к систематическим девиациям в междоменных проекциях, когнитивным сбоям (эффект подтверждения, эвристика доступности, иллюзорная истина, атрибутивные ошибки) и концептуальной дезориентации. Обосновано, что эмоционализация дискурса через фреймы страха и угрозы и закрепленные схемы «культуры страха» усиливают манипулятивный потенциал медианарративов. Новизна исследования состоит в описании полидоменного характера концептуального проецирования в пространстве манипуляции, в выделении характеристик негативного манипулятивного влияния, а также в увязке конкретных типов когнитивных сбоев с параметрами эмоционализированного медиадискурса. Показана роль эпистемической бдительности как специфического когнитивного механизма противодействия манипулятивному воздействию.

Ключевые слова: манипулятивный медиадискурс, когнитивное проецирование, концептуальная интеграция, зона бленда, концепты ПРАВДА – ЛОЖЬ, эмоционализация, культура страха, когнитивные искажения, инференция, эпистемическая бдительность

Для цитирования: Заботкина В.И., Позднякова Е.М. Когнитивно-лингвистические механизмы смыслопорождения в манипулятивном медиа-дискурсе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 4. С. 12–25. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-12-25

Cognitive-linguistic mechanisms of meaning construction in manipulative media discourse

Vera I. Zabotkina

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, zabotkina@rggu.ru*

Elena M. Pozdnyakova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, helenpozdneyakova@yandex.ru*

Abstract. The article aims to describe the cognitive and linguistic mechanisms of meaning construction that underlie manipulative impact in media discourse and to demonstrate how cross-domain conceptual projections between TRUTH and LIE conceptual domains generate blend zones that enable covert influence on the addressee. The study draws on mental space and conceptual blending theory, frame and schema theory, and qualitative analysis of English-language media discourse focusing on emotionally loaded lexical and phraseological resources. The authors show that the emergence of a “grey zone” within the TRUTH – LIE continuum (alternative truth, post-truth, counter-truth, counter-knowledge, etc.) results in systematic deviations in cross-domain mappings that leads to cognitive distortions (confirmation bias, availability heuristic, illusory truth effect, attribution errors) and addressee’s conceptual disorientation. It is argued that emotionalization through fear- and threat-oriented frames and culturally entrenched schemata of a contemporary “culture of fear” significantly enhances the manipulative potential of media narratives. The novelty of the study lies in the account of the polydomain nature of conceptual projection in the mental space of manipulation, in identifying blend zones as structural hubs of manipulative influence, and in linking specific types of cognitive distortions to parameters of emotionalized media discourse. Epistemic vigilance is conceptualized as a key cognitive mechanism that enables resistance to manipulation and more adequate interpretation of media messages.

Keywords: manipulative media discourse, conceptual projection, conceptual blending, blend zone, concepts TRUTH – LIE, emotionalization, culture of fear, cognitive distortions, inference, epistemic vigilance

For citation: Zabotkina, V.I and Pozdnyakova, E.M. (2026), “Cognitive-linguistic mechanisms of meaning construction in manipulative media discourse”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 4, pp. 12–25, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-4-12-25

Введение

В рамках статьи будут рассмотрены когнитивные и языковые механизмы, лежащие в основе конструирования особого рода сообщений, а именно сообщений манипулятивного характера. Мы попытаемся ответить на вопрос о том, каков характер когнитивной обработки информации, содержащей манипуляции в медиадискурсе, как подобная информация воспринимается адресатами сообщений. Медийный дискурс не просто передает информацию; он конструирует фреймы, активизирует культурные модели и интерпретирует реальность с целью направлять восприятие информации, влиять на чувства и принятие решений, часто исподволь стимулируя людей не прибегать к рациональному анализу и игнорировать эпистемическую бдительность.

Человеческий язык «является эффективным средством противостояния сенсорному хаосу, который постоянно атакует нас; именно язык обеспечивает номинацию ментальных репрезентаций сенсорного опыта и, таким образом, “объективизирует” индивидуальные впечатления, обеспечивая описание мира и коммуникацию. Именно язык, базируясь на генетически обусловленных алгоритмах и являясь культурным феноменом, соединяет объекты внешнего мира с нейрофизиологическими событиями в мозгу, используя конвенциональные семиотические механизмы»¹. Хотя число семиотических систем, вовлекаемых в общение, увеличивается и сегодня мы говорим о возрастающей роли мультимодальной коммуникации, язык как глобальный когнитивный механизм по-прежнему служит основным средством объективации концептуальной картины мира.

Особенность манипулятивного воздействия состоит в том, что истинные смыслы, оказывающие воздействие и вносящие дезориентацию в концептуальную картину мира индивидов, как правило, имплицированы. Комбинация сложно идентифицируемых импликаций, сопутствующий сенсорный и смысловой хаос, о котором пишет Т.В. Черниговская, – все это порождает дополнительную

¹ Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: мозг, язык и сознание. М.: АСТ, 2021. С. 78. (Звезда лекций)

нагрузку на когнитивную систему человека. При этом манипуляция не идентифицируется людьми как некая «патология», затрагивающая коммуникативный процесс. Она, как правило, встроена как специфический способ генерации смыслов в рамках более широкого когнитивно-коммуникативного контекста. Конструирование коммуникантами ментальных пространств и активация фреймов являются ингерентными свойствами человеческого мышления. Это, в свою очередь, формирует основу для инференций и принятия решений. Манипулятивный дискурс использует те же когнитивные механизмы, но при этом в нем заложена преднамеренная асимметрия целей, скрытым путем предоставляющая выгоду создателю нарратива, т. е. манипулятору.

ПРАВДА – ЛОЖЬ:

междоменные концептуальные проекции

Если обратиться к двум противоположным концептам, к которым исторически прибегали манипуляторы с древних времен, то этими концептами являются ПРАВДА и ЛОЖЬ. Аристотель утверждал: «Говорить о существующем, что его нет, или о несуществующем, что оно есть – ложь. Говорить, что существующее есть, а не существующего нет – правда»².

Однако современные СМИ работают не только с центральными концептами, формирующими оппозицию, а со спектром «подобных правде» конструкций. В статье мы ставим вопрос о том, каким образом происходит концептуальное проецирование *между* (курсив наш. – Авт.) полюсами бинарной оппозиции ПРАВДА – ЛОЖЬ. Мы утверждаем, что в данном случае речь идет о концептуальной интеграции ментальных пространств и формировании ряда смешанных пространств (блендов). На материале английского языка было показано, что существует важная зона в пределах континуума TRUTH – LIE, называемая зона бленда, или серая зона. «Именно эта зона фиксирует информацию о новых концептах, а, следовательно, и парадоксальных с точки зрения аксиологии лексических единицах определенного типа, которых численно больше в английском языке»³.

² Аристотель. Метафизика / [пер. с древнегр., вступ. ст. и коммент. А.В. Маркова]. М.: РИПОЛ классик, 2018. С. 103.

³ В зону бленда входят концепты: *Alternative truth* – a blatant lie (<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=alternative%20truth>); *post truth* – a time when objective facts are less influential in shaping public opinion

«Серую зону» формируют несколько концептов. *Альтернативная правда* (alternative truth) определяется как откровенная ложь, которая, тем не менее, представляется как законная конкурирующая версия реальности, при этом по своему концептуальному содержанию этот концепт находится в рамках континуума ближе всего к концепту ЛОЖЬ. *Постправда* (post truth) относится к коммуникативным условиям, где объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения по сравнению с апелляциями к эмоциям и личным убеждениям. *Контрправда* (counter-truth) обозначает утверждения о правде, специально сконструированное для противостояния какой-либо «предложенной правде», создавая поле несовместимых нарративов. Соответственно, *контрзнания* (counter-knowledge) используются для поддержки *контрправды*, когда «сконструированные» факты выдаются за истинное знание.

Динамика концептуальных проекций в отношении приведенных выше концептов, формирующих континуум ПРАВДА – ЛОЖЬ, усложняет адаптацию сознания к новым концептам, например, к осознанию того, что ALTERNATIVE TRUTH – это вовсе не правда, а неприкрытая ложь.

В рамках континуума концепт ПРАВДА больше не является стабильным сочетанием интеллекта и реальности (intellectus et rei), а представляет собой смысл, подверженный риторическому искажению. Язык отражает эти концептуальные сдвиги относительно исходной оппозиции ПРАВДА – ЛОЖЬ, что проявляется в появлении идиоматических выражений, которые показывают, как происходит «редактирование» реальности. Приведем пример из английского языка: “bend the truth”, “stretch the truth”, “play fast and loose with the truth”, “shade the truth”, “be economical with the truth” [Заботкина, Боярская 2023, с. 132–133]. Эти идиомы кодируют в самой языковой системе градуированное пространство между правдой и ложью и тем самым легитимизируют тонкие манипулятивные практики как социально приемлемые.

Как указывалось выше, в основе воздействия на сознание лежит концептуальное проецирование, которое осуществляется в полидоменной среде. «Динамический характер процесса проецирования

than appeals to emotion and personal belief (OELD); *counter-truth(s)* – a truth expressed in opposition to the proposed truth (<https://en.wiktionary.org/wiki/countertruth>); *counter-knowledge* – misinformation packaged to look like a fact (<https://en.wiktionary.org/wiki>); *alternative facts* – falsehoods, untruths, delusions (<https://www.dictionaty.com/e/slang/alternative-facts/>) [Заботкина, Боярская 2023, с. 132–133].

обусловлен флюидностью когнитивного контекста, понимаемого как постоянно изменяющийся объем информации, знаний, интерпретаций и индивидуальных инференций, которыми оперирует человек. Флюидность когнитивного контекста означает, что каждый новый фрагмент информации может изменять текущую интерпретацию мира и влиять на процесс проецирования» [Заботкина 2025, с. 55; Заботкина, Боярская 2024; Заботкина, Боярская 2025].

В ходе манипулирования в результате целенаправленной трансляции определенной системы смыслов когнитивные операции концептуального проецирования ведут к различным когнитивным сбоям. В частности при целенаправленной эмоционализации медиадискурса меняются сценарии, регулирующие поведение адресатов сообщений. На материале англоязычных газет были заявлены и введены в разработку определенные параметры исследования эмоционализации через вербализацию эмоций тревоги и страха [Заботкина, Позднякова 2025].

Наряду с воздействием указанных эмоций манипулятивное воздействие может быть реализовано в ходе речевого акта оскорбления [Struiksmā, De Mulder, Van Berkum 2022]. Намеренное сообщение ложной информации посредством речевого акта оскорбления с концептуальным признаком «унижение» способно привести к манипулятивному воздействию на адресата.

«Полидоменный характер концептуального проецирования создает основу для сбоя концептуальных проекций, что ведет к нарушению когнитивного баланса и возникновению концептуальной дезориентации. В отличие от когнитивного диссонанса, данный процесс протекает неосознанно. Сбой концептуальных проекций затрагивает процесс восприятия и интерпретации новой информации, которая не вписывается в уже сформированные ментальные схемы» [Заботкина 2025, с. 60).

Воздействие негативных эмоций как инструмент манипулирования

Обработка информации и принятие решений человеком происходит под воздействием и логики, и эмоций. В статье мы покажем, как встраивание негативных смыслов в медийный дискурс способствует продвижению манипулятивного воздействия посредством эмоционализации. Исследования медийного дискурса показывают, что страх и угроза являются одними из наиболее систематически используемых негативных эмоций в современных СМИ, которые часто описываются как создающие «культуру страха» [Furedi 2018;

Glassner 2018]. Страх возникает, когда событие представляется как: а) имеющее значительный негативный исход, б) правдоподобное или вероятное и в) лишь частично контролируемое.

Для эмоционализации контента используются следующие средства:

- а) лексика угрозы (угроза, опасность, риск, катастрофа, кризис, вторжение);
- б) метафоризация социальных, политических или экономических процессов как стихийных бедствий или войн («цунами мигрантов», «война с террором», «вирусная атака»), что подразумевает высокую неконтролируемость и срочность;
- в) опора на количественную оценку и статистику, выделяющую наихудшие показатели без контекстных базовых значений, что усиливает серьезность угрозы воспринимаемого сообщения.

Эмоционализация посредством страха выполняет прагматические функции: она привлекает внимание, повышает запоминаемость и, что особенно важно, подавляет анализ, активируя быструю, основанную на эмоциях обработку информации. Авторы, занимающиеся критической медиалингвистикой, отмечают, что эмоциональные регистры создают «короткое замыкание» в рациональном анализе, открывая дверь для внедрения идей, страхов и тревог, которые впоследствии могут направлять поведение, не обязательно становясь полностью явными убеждениями [Озюменко, Ларина 2021].

Эмоционализация манипулятивного контента достигается за счет выбора фреймов, выделяющих в транслируемом контенте опасность и уязвимость. Когда ситуация фреймируется в основном в терминах конфликта и угрозы, адресаты воспринимают ее как несущую бóльший риск, более сильные негативные эмоции, что вызывает либо желание защищаться, либо шок и апатию.

С когнитивно-лингвистической точки зрения ментальные процессы в таком случае осуществляются, с одной стороны, под воздействием фрейма, а с другой – под воздействием эмоций от переживаемой ситуации, причем зачастую человек отдает предпочтение оценочному компоненту в отношении воспринимаемого события. Фреймы моделируют, какие аспекты ситуации выдвигаются на первый план (например, отсутствие контроля в ситуации опасности или ее контролируемость), а механизм оценки, в свою очередь, определяет эмоциональные реакции, такие как страх, гнев или надежда. Эмоции затем смещают дальнейшую обработку в пользу субъективных интерпретаций, соответствующих фрейму, формируя замкнутый круг [Болдырев 2023].

В то время как фрейминг работает на уровне конкретных медиаисторий, схемы (schemata) активируют относительно стабильные культурные модели, которые структурируют многократное воздействие медийных сообщений. Эмоционализация происходит, когда схемы систематически включают негативные аффективные компоненты, так что определенные темы (миграция, риски для здоровья, геополитические отношения) привычно кодируются в ориентированных на страх интерпретационных шаблонах [Otieno, Spada, Renkl 2013].

Понятие «культуры страха» представляет современную реальность, в которой страх становится предрасположенностью по умолчанию. Термин был популяризирован Фрэнком Фуреди в конце 1990-х гг. и американским социологом Барри Гласснером в середине 2000-х [Furedi 2018; Glassner 2018]. С точки зрения схем, повторяющиеся дискурсы об опасности и уязвимости, транслируемые медиа, укрепляют определенные сети ассоциаций: чуждые по взглядам или культурным традициям группы ассоциируются с угрозой, повседневные технологии – со скрытыми рисками, а будущие события – с надвигающимися кризисами. Непосредственно в дискурсе СМИ это подкрепляется следующими факторами:

- многократное повторение выражений, связанных со страхом («политика страха», «фактор риска», «экзистенциальная угроза»);
- тематическая кластеризация негативных событий вокруг конкретных субъектов (стран, групп, отраслей), формирующая устойчивые профили угроз;
- нарративные схемы, в которых одни и те же категории (например, дети, «обычные граждане») неоднократно помещаются в опасные ситуации.

Важно отметить, что такие схемы не являются чисто пропозициональными; они опираются на телесную воплощенность, включают в себя сенсорные образы, тревожность ожидания и тенденции к действию (избегание, поддержка ограничительной политики), что увеличивает их манипулятивный потенциал.

Эмоции функционируют как «быстрые эвристики», сжимая сложные оценки в интуитивные чувства (безопасно/небезопасно, мы/они, за/против), которые могут быть быстро активированы и легко согласуются с желаемыми установками. Вместо предоставления сбалансированных доказательств и побуждения к медленному рассуждению, эмоционализованные схемы позволяют нарративам «подключаться» к уже существующим аффективным диспозициям, тем самым обеспечивая еще большую вовлеченность

в негативную эмоционализацию. Как только определенный лексический или повествовательный паттерн становится индикатором опасности или возмущения, достаточно простого упоминания, чтобы вновь активизировать связанное с ним эмоциональное состояние, даже при отсутствии новой существенной информации.

Манипулирование в СМИ основано на систематическом использовании асимметрии между эмоциональной и рациональной обработкой [Кузнецова, Глухова 2024]. Негативные эмоции, такие как страх, гнев и тревога, обладают большей значимостью и мотивационной силой, чем нейтральные или умеренно позитивные аффекты, что делает первые особенно эффективными для привлечения внимания и регулирования поведения. Когда нарративы строятся вокруг негативных эмоций, они могут исказить рассуждения адресатов таким образом, что их решения благоприятствуют целям манипулятора, зачастую без использования явно ложных утверждений. Именно в таких случаях мы говорим о скрытом манипулировании [Демьянков 2017; Демьянков 2018].

Чем интенсивнее сообщение вызывает страх или возмущение, тем меньше когнитивных ресурсов остается для оценки аргументов, проверки согласованности или сравнения альтернативных источников. Широкое использование эмоционально окрашенной лексики, личных историй страданий и драматических визуальных образов создает аффективные рамки, которые подталкивают получателей к роли переживающего события, согласовывая их внутреннее состояние с состоянием героя повествования.

С когнитивной точки зрения это соответствует переходу от медленной, рефлексивной обработки к быстрой, эвристически ориентированной обработке, в которой:

- эмоциональная предвзятость преобладает над вероятностным рассуждением;
- эвристика доступности (легкость запоминания) способствует искажению оценки риска на основе ярких примеров;
- эффект подтверждения работает таким образом, что человек отдает предпочтение информации, соответствующей вызванному эмоциональному состоянию (например, тревожные люди ищут дополнительные подтверждающие угрозу сигналы) [Заботкина, Позднякова 2025, с. 52].

Таким образом, медийные нарративы, которые неоднократно подвергают аудиторию воздействию тревожного контента, могут создавать хронические состояния повышенного возбуждения, которые, в свою очередь, поддерживают спрос на дополнительную информацию, подтверждающую страх, создавая самоподкрепляющийся цикл.

Негативная эмоционализация оказывает серьезное влияние и на такой когнитивный процесс, как инференция. Понимание дискурса включает в себя непрерывное формирование связующих и детализированных выводов на основе знаний о мире и контекстных подсказок. Эмоционализированные медийные дискурсы используют это, избирательно предоставляя «поддержку», которая направляет процессы инференции в желаемое русло, либо оставляя пробелы, которые адресаты заполняют стереотипными предположениями, либо формируя причинно-следственные связи между одновременно происходящими событиями без явной аргументации.

Поскольку подобные инференции кажутся самопроизвольными («Я сам пришел к такому выводу»), они с меньшей вероятностью будут подвергнуты тщательному анализу. Присутствие контента, транслирующего страх, также провоцирует настороженность, предпочтение видеть угрозу там, где ее нет. Происходят когнитивные сбои на основе тревожности, которые манипуляция может усилить, выдвигая на первый план потенциальный вред и принижая базовую информацию. Таким образом, эмоционализация не просто добавляет чувства к уже существующим убеждениям, она активно влияет на инференции, посредством которых формируются ошибочные убеждения относительно воспринимаемых событий.

Подводя итог воздействию эмоций в процессе манипулирования, обозначим типы когнитивных сбоев, происходящих в результате целенаправленных девиаций в междоменных концептуальных проекциях. Такими сбоями являются: эффект подтверждения; эмоциональная предвзятость; ошибка атрибуции; эффект иллюзорной истины; эвристика доступности [Заботкина, Позднякова 2025, с. 52].

Эпистемическая бдительность как средство противодействия манипуляциям

Когнитивные механизмы, участвующие в восприятии и обработке информации, могут способствовать противодействию манипуляциям в случае активирования эпистемической бдительности. Когда получатели информации воспринимают источник сообщения как лицо, имеющее корыстные интересы (лоббисты, политики), они становятся более осторожными в интерпретации доказательств и лучше распознают манипулирование. Осознание потенциальной предвзятости или обмана приводит участников к более точной интерпретации статистической информации и снижению доверия к манипулятивным источникам.

Эпистемическая бдительность – это набор когнитивных механизмов, посредством которых происходит оценка передаваемой информации, анализируется содержание, контекст и источник. Активация этих механизмов способствует защите от обмана, ошибок и уступок неправомерному влиянию. В когнитивном плане эпистемическая бдительность означает переход от автоматического принятия навязываемых фреймов к осознанию манипулятивных приемов. Чем больше адресат знает о типичных манипулятивных моделях – эвфемизации, гиперболических оценках, морализаторских метафорах, эмоциональных триггерах, тем с большей вероятностью он раскодирует сообщение.

Эпистемическая бдительность – это не только индивидуальный процесс; она функционирует в рамках групп в социальных сетях. Если в таких группах присутствуют критически настроенные индивиды, т. е. те, кто проводит проверки правдоподобности сообщений, их мнение оказывает сильное влияние на отношение других членов группы к манипулятивным сообщениям и сдерживает их последующее распространение. Когда такие «критические узлы» занимают центральное место в коммуникации групп в социальных сетях, они могут сдерживать или исправлять дезинформацию; когда они находятся на периферии, манипулятивные нарративы распространяются более свободно.

Таким образом, критическая коммуникативная среда групп, каналов, форумов и т. п. в социальных сетях, поощряя обсуждение медиаконтента, позволяет аудитории ознакомиться с различными интерпретациями и поддерживает проверку фактов, что существенно усиливает эпистемическую бдительность. И наоборот, среда, которая поощряет эмоциональную вовлеченность и динамику эхо-камеры, может подавлять групповую бдительность. Когда эпистемологическая бдительность выступает в качестве внутреннего противодействующего фактора, поддерживаемого фоновыми знаниями, критическим восприятием дискурса и осознанием лингвистических стратегий, манипулятивный медийный дискурс встречает сопротивление.

Заключение

В статье мы поставили вопрос о характерных способах обработки адресатом информации, которая содержит манипуляции, транслируемые посредством медиадискурса. В основе смыслопорождения и когнитивной обработки информации в данном типе дискурса лежит операция концептуального проецирования между

различными доменами знания и эмоциональной составляющей человеческой когниции. Нами был выявлен характер концептуальных проекций между доменами ЛОЖЬ и ПРАВДА и показана важная роль концептуального слияния, образующего зоны бленда, которые и становятся основой манипулятивного воздействия. Были изучены механизмы концептуального проецирования и выявлены взаимосвязи между сбоями в концептуальной картине мира и эмоционализацией дискурса за счет интенсивного вовлечения эмоций тревоги и страха. Было показано, что основным средством противодействия манипуляциям является эпистемическая бдительность, способствующая критическому пересмотру эмоционально заряженных сообщений и их адекватной интерпретации.

Литература

- Болдырев 2023 – *Болдырев Н.Н.* Вторичная интерпретация мира как способ языкового манипулирования сознанием // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура: сб. науч. трудов / редкол.: С.Т. Золян, В.Х. Гильманов, А.В. Щекотуров. Калининград: Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, 2023. С. 5–8.
- Демьянков 2017 – *Демьянков В.З.* Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4 (53). С. 5–13. DOI: 10.20916/1812-3228-2017- 4-5-13
- Демьянков 2018 – *Демьянков В.З.* Языковые средства когнитивной манипуляции в гуманитарных науках // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 48–52.
- Заботкина 2025 – *Заботкина В.И.* Когнитивные и языковые механизмы смыслопорождения в ментальном пространстве манипуляции // Когнитивные исследования языка. 2025. № 2 (63). Ч. 1. С. 58–62.
- Заботкина, Боярская 2023 – *Заботкина В.И., Боярская Е.Л.* Концептуальная структура бинарной аксиологической оппозиции *истина – ложь* // Слово.ру: балтийский акцент. 2023. Т. 14. № 1. С. 126–136. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-8
- Заботкина, Боярская 2024 – *Заботкина В.И., Боярская Е.Л.* Динамика концептуального проецирования в медиадискурсе: манипулятивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2024. № 5 (61). С. 74–81.
- Заботкина, Боярская 2025 – *Заботкина В.И., Боярская Е.Л.* Концептуальное проецирование как основа манипулятивного воздействия // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16. № 1. С. 24–38. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-1-2
- Заботкина, Позднякова 2025 – *Заботкина В.И., Позднякова Е.М.* Манипулятор vs. манипулируемый: искажение когнитивных процессов в медиадискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2025. № 4. С. 44–56. DOI: 10.20916/1812-3228-2025-4-44-56

- Кузнецова, Глухова 2024 – *Кузнецова И.А., Глухова Е.С.* Манипулятивный потенциал когнитивных искажений в рекламных текстах // Коммуникативные исследования. 2024. Т. 11. № 1. С. 121–136. DOI: 10.24147/2413-6182.2024.11(1).121-136
- Озюменко, Ларина 2021 – *Озюменко В.И., Ларина Т.В.* Угроза и страх: прагматические цели эмоционализации в медийном дискурсе // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 3. С. 746–766. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766
- Furedi 2018 – *Furedi F.* How fear works: Culture of fear in the 21st century. L.: Bloomsbury Publishing, 2018. 320 c.
- Glassner 2018 – *Glassner B.* The culture of fear: Why Americans are afraid of the wrong things. N.Y.: Basic Books, 2018. 384 c.
- Otieno, Spada, Renkl 2013 – *Otieno C., Spada H., Renkl A.* Effects of news frames on perceived risk, emotions, and learning // PLoS One. 2013. Vol. 8. Iss. 11. P. 1–12. DOI: 10.1371/journal.pone.0079696.
- Struiksma, De Mulder, VanBerkum 2022 – *Struiksma M.E., DeMulder H.N.M., VanBerkum J.J.A.* Do people get used to insulting language? // Frontiers in Communication. 2022. No. 7. P. 1–21.

References

- Boldyrev, N.N. (2023), “Secondary interpretation of the world as a method of linguistic manipulation of consciousness”, in Zolyan, S.T., Gil'manov, V.Kh. and Shchekoturov, A.V., eds., *Manipulyatsii i sotsium: yazyk, soznanie, kul'tura: sbornik nauchnykh trudov* [Manipulations and society: Language, consciousness, culture. Collected scientific papers], Baltiiskii federal'nyi universitet imeni I. Kanta, Kaliningrad, Russia, pp. 5–8.
- Dem'yankov, V.Z. (2017), “Knowledge transfer and cognitive manipulation”, *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, vol. 53, no. 4, pp. 5–13. DOI: 10.20916/1812-3228-2017-4-5-13
- Dem'yankov, V.Z. (2018), “Linguistic means of cognitive manipulation in the humanities”, *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 33, pp. 48–52.
- Furedi, F. (2018), *How fear works: Culture of fear in the 21st century*, Bloomsbury Publishing, London, UK.
- Glassner, B. (2018), *The culture of fear: Why Americans are afraid of the wrong things*, Basic Books, New York, USA.
- Kuznetsova, I.A. and Glukhova, E.S. (2024), “Manipulative potential of cognitive distortions in advertising texts”, *Communication Studies*, vol. 11, no. 1, pp. 121–136, DOI: 10.24147/2413-6182.2024.11(1).121-136
- Ozyumenko, V.I. and Larina, T.V. (2021), “Threat and fear: Pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse”, *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25, no. 3, pp. 746–766, DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766

- Otieno, C., Spada, H. and Renkl, A. (2013), "Effects of news frames on perceived risk, emotions, and learning", *PLoS One*, vol. 8, iss. 11, pp. 1–12, DOI: 10.1371/journal.pone.0079696
- Struiksma, M.E., De Mulder, H.N.M. and Van Berkum J.J.A. (2022), "Do people get used to insulting language?", *Frontiers in Communication*, no. 7, pp. 1–21.
- Zabotkina, V.I. and Boyarskaya, E.L. (2023), "Conceptual structure of the binary axiological opposition 'truth – lie' ", *Slovo.ru: Baltic Accent*, vol. 14, no. 1, pp. 126–136, DOI: 10.5922/2225-5346-2023-1-8
- Zabotkina, V.I. and Boyarskaya, E.L. (2024), "Dynamics of conceptual projection in media discourse: The manipulative aspect", *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, vol. 61, no. 5, pp. 74–81.
- Zabotkina, V.I. and Boyarskaya, E.L. (2025), "Conceptual projection as the basis of manipulative influence", *Slovo.ru: Baltic Accent*, vol. 16, no. 1, pp. 24–38, DOI: 10.5922/2225-5346-2025-1-2
- Zabotkina, V.I. (2025), "Cognitive and linguistic mechanisms of meaning generation in the mental space of manipulation", *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, vol. 63, no. 2, part 1, pp. 58–62.
- Zabotkina, V.I. and Pozdnyakova, E.M. (2025), "Manipulator vs. manipulated: distortion of cognitive processes in media discourse", *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, no. 4, pp. 44–56, DOI: 10.20916/1812-3228-2025-4-44-56

Информация об авторах

Вера И. Заботкина, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; zabotkina@rggu.ru

Елена М. Позднякова, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; helenpozdnayakova@yandex.ru

Information about the authors

Vera I. Zabotkina, Dr. of Sci (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; zabotkina@rggu.ru

Elena M. Pozdnyakova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; helenpozdnayakova@yandex.ru